

и остановилась около балюстрады. Деревья сада возвышались въ фантастическомъ освѣщеніи. Странная зелень листьевъ вырѣзывалась отчетливо и ярко. Высокія березы точно курились, ивы, склонившіяся надъ озеромъ, походили на декораціи. Въ темной водѣ ясно и трепетно отражались горяція бочки. Со двора доносились крики и пѣсни и удалой посвистъ. Какой-то маршъ торжественно и задорно гремѣлъ изъ сиреневоы аллеи, вызывая смутный отзвукъ въ далекомъ полѣ.

Варя стояла точно въ забытьѣ. Иногда ей казалось, что вокругъ совершается сказка и что еще одно мгновение, и она проснется во тьмѣ кромѣшной. И не хотѣлось ей просыпаться. Ей было хорошо. Голова ея слегка кружилась. Какая-то нѣжная теплота медлительно расплывалась по ней и какъ будто сковывала ее, погружая въ неизъяснимую истому. Лукавинъ пожалъ ей руку, она не отняла ее. Она только слабо улыбнулась и пролепетала невнятно: «какъ странно»... — и внезапно вздрогнула: ракета съ ужаснымъ трескомъ вылетѣла изъ кучы деревьевъ, и точно располыхнувъ темную бездну, описала смѣлую дугу и рассыпалась въ вышинѣ синими, красными, зелеными огоньками. Барыни ахнули. Со двора загалдѣли въ неистовомъ восторгѣ. Звуки музыки съ какой-то побѣдоносной гордостью полетѣли въ пространство. Въ дальней рощѣ зашумѣли встревоженные грачи... Трескъ повторился, и взвилась другая ракета. Варя безсознательно прислонилась къ Лукавину. Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо. Глаза ея были полузакрыты, на губахъ блуждала блаженная улыбка... Онъ оглянулся вокругъ: только отецъ Ихтиозавръ сладко улыбался около нихъ. Но и тотъ, едва завидѣлъ взглядъ Лукавина, какъ тотчасъ же понурился и удалился, торопливо колыхая своимъ брюшкомъ. Петръ Лукьянычъ близко наклонился къ Варѣ. Вдругъ она раскрыла глаза и въ испугѣ посмотрѣла на него. Тогда онъ снова пожалъ ей руку, и она снова не отняла ее.

— Варвара Алексѣевна, — произнесъ онъ. Она молчала. — Варюша, — вымолвилъ онъ тихо и нѣжно и, помедливъ, продолжалъ: — вы не прочь быть моею...

— Что это такое! — вскрикнула она въ страшной тревогѣ и указала на озеро. Лукавинъ быстро оглянулся: озеро пламенѣло въ какомъ-то кровавомъ освѣщеніи. И потрясающій вопль вырвался за домомъ. Этотъ вопль все потопилъ въ себѣ: и громъ музыки, и раздирающій трескъ ракетъ, и шумъ грачей, безпокойно взвивавшихся надъ своими гнѣздами... — «Это, вѣроятно, бочки», — неувѣренно выговорилъ Петръ Лукьянычъ. И вдругъ